

зигомаксиллярной ширины при нахождении зигомаксиллярного угла рекомендуются передние зигомаксиллярные точки, а вот для средней ширины лица, измеряемой от тех же точек, такое указание отсутствует. Между тем известно, что для средней ширины лица пользуются нижними зигомаксиллярными точками.

Измерения высоты назиона над биорбитальной шириной и высоты субспинальной точки над зигомаксиллярной шириной, к сожалению, совсем не фигурируют в качестве самостоятельных размеров. Между тем подсчет коэффициентов регрессии высоты по ширине для обоих этих размеров, произведенный Г. Ф. Дебецем³, показал большую зависимость углов горизонтальной профилировки именно от высотных, а не от широтных размеров. Следовательно, самостоятельная ценность этих признаков, во всяком случае для специальных целей, очевидна.

При внимательном рассмотрении этого раздела можно указать еще на ряд методических упущений, но представляется необходимым остановиться лишь на следующем: практика преподавания краниометрии показывает, что техника вычисления и понимание смысла указателей гораздо легче воспринимается обучающимися краниометрии при применении формул указателей, написанных с помощью символических обозначений размеров. А в руководстве не только отсутствуют эти формулы, но и нет упоминания о том, что указатели вычисляются как процентное отношение одного размера к другому.

В шестой главе — «Определение описательных признаков» (стр. 76—94) мы также, с сожалением, должны констатировать ряд методических и редакционных промахов. Наиболее значительны следующие: на стр. 80 рис. 17 (элементы надглазничного рельефа) снабжен буквенными обозначениями этих элементов. Но ни в подписи к рисунку, ни в тексте нет легенды, поясняющей эти обозначения. На стр. 81 в схеме развития надпереносья (рис. 18) отсутствует горизонтальная линия, проходящая через корень носа. Тем самым весьма затрудняется пользование схемой. На рис. 19 (стр. 83) даны типы строения грушевидного отверстия, однако отсутствуют названия или обозначения этих типов, а порядок описания их в тексте не совпадает с порядком схем на рисунке. К описательным признакам, по моему мнению, следовало бы добавить оценку развития затылочного бугра по Брока, что, во всяком случае, имеет не меньшее значение, чем развитие сосцевидного отростка.

Последняя, седьмая глава — «Методика получения чертежей и рисунков» (стр. 95—111) посвящена вопросам контурографии и фотографирования краниологического материала. В руководстве подробно описаны разные способы снятия контуров. Глава хорошо иллюстрирована. Впервые в краниологическом руководстве излагается методика исчисления средних контуров серий. К сожалению, и в этой главе имеются отдельные не выправленные опечатки. В частности, на стр. 101 указано, что внутренний диаметр лимба краниометра равен 530 мм, тогда как в действительности величина этого диаметра 300 мм.

В книге приводится обширная библиография краниологических работ. Справедливости ради следует отметить, что эта библиография далеко не всегда отвечает своему прямому назначению, так как наряду со специальными методическими работами в список включены работы общего характера.

Заканчивая наш небольшой обзор, заметим, что мы намеренно много остановились на недостатках этой небольшой, но очень нужной книги, чтобы в меру возможностей способствовать устранению таковых в повторном издании, нужда в котором обнаружится очень скоро.

Что касается общей оценки книги, то лучше всяких слов ее оценивает тот факт, что «Краниометрия» уже сейчас стала настольной книгой каждого антрополога.

³ Г. Ф. Деб е ц. Антропологические исследования в Камчатской области, Труды Ин-та этнографии, нов. серия, т. XVII, 1951.

И. Гохман

НАРОДЫ СССР

С. И. Николаев. *Эвены и эвенки юго-восточной Якутии*. Якутск, 1964, 202 стр.

Рецензируемая работа посвящена описанию сравнительно малоизученной этнографической области юго-восточной Якутии, где живут малые народы Севера — эвены и эвенки.

Книга состоит из авторского предисловия и десяти глав. В первой главе — «Этнический, родоплеменной состав и расселение» автор останавливается на численности и национальном составе населения Олекминского, Алданского, Усть-Майского и Оймяконского районов Якутии. Автор фиксирует далеко зашедший процесс смешения эвенков с якутами и русскими. Алданские эвенки в большинстве владеют тремя языками, при этом родной язык является для них в настоящее время «домашним», т. е. употребляе-

мым в основном в домашнем быту. Вместе с тем многие якуты и русские в этом районе также владеют эвенкийским языком (стр. 35 и сл.). Тут, надо думать, решающая роль принадлежит новой, социалистической организации хозяйства: эвенки, эвены, якуты, русские и люди других национальностей живут и трудятся бок о бок друг с другом в одних колхозах и совхозах.

Любопытно, что большая часть родившихся от смешанных браков (чаще всего якутско-эвенкийских) относит себя к числу эвенков, хотя и не владеет, как правило, эвенкийским языком. Как ниже указывает автор, это, вероятно, следует отнести на счет льгот, предоставленных малым народам Севера, к числу которых якуты не принадлежат. «Международные браки» (термин автора) в настоящее время составляют в районах юго-восточной Якутии около 30% (стр. 32).

Глава «Хозяйство» посвящена описанию занятий и образа жизни коренного населения. Как известно, большинство эвенков Алдана и нижней Маи еще до революции перешло к новым формам хозяйства, заимствованным у якутов, — скотоводству и земледелию. Приведенные в книге данные показывают, что этот процесс совершался при тех же условиях и обстоятельствах, при каких совершался аналогичный процесс у эвенков восточной части Иркутской области, также сочетающих сельское хозяйство с промысловым и частично смешавшихся с окружающими их русскими. Сокращение поголовья оленей и количества промысловых диких зверей, наряду с возможностями развития домашнего животноводства и огородничества, являлись основными факторами, обусловившими такой переход. Этот процесс совершался естественно и замедленно, на протяжении полутора — двух веков и поэтому не имел отрицательных последствий для населения. В Якутии, как и в названной части Иркутской области, долгое время существовали, а частично существуют и ныне, промежуточные группы, сочетающие скотоводство с оленеводством. Почти все эвенки-скотоводы остаются охотниками (стр. 48—49).

В главе «Пища» автор знакомит читателей со способами консервации и хранения пищевых продуктов у эвенов и эвенков, отмечает изменение их пищевого рациона в советское время. Эпизодическое в прошлом потребление мяса домашних оленей стало сейчас обычным явлением ввиду широкого развития оленеводства в колхозах и совхозах юго-восточной Якутии. В употребление вошли печеный хлеб, кондитерские изделия, сахар, соль, овощи, фрукты. Входят в употребление грибы. Вместе с тем из пищи исчезли съедобные корни и травы, не говоря уже о сосновой и лиственничной заблони (стр. 71).

Главы IV—VII («Домашнее производство», «Одежда», «Хозяйственные постройки, жилище и утварь», «Способы передвижения») посвящены описанию традиционной и современной материальной культуры эвенов и эвенков.

Отмечая появление новых орудий и новых промышленных изделий, вытеснивших многие самобытные изделия коренных жителей, автор вместе с тем справедливо указывает на то, что полное свертывание в колхозах и совхозах традиционного домашнего ремесла преждевременно и вряд ли разумно. меховая зимняя и специальная летняя одежда и обувь, оленья упряжь и седла, без которых пока нельзя обойтись в северной Сибири охотникам и оленеводам, почти не производятся нашей промышленностью. Поэтому кустарный промысел народов Севера надо не свертывать, а развивать и «модернизировать его современными достижениями техники» (стр. 84).

Процесс этнического смешения, характерный для районов юго-восточной Якутии, находит свое выражение в «нивелировке» различий, имевшихся в прошлом в отдельных аспектах материальной культуры населения этих районов. Отправляясь зимой в дорогу, эвены и эвенки надевают тулупы и дохи из оленьих шкур. «Покрой их одинаков, — пишет автор, — оба сшиты по выкройкам крупного овчинного тулупа и снабжены отложным воротником» (стр. 101).

Традиционные кочевые жилища эвенов и эвенков в настоящее время вытеснены срубными домами, а прежний кочевой образ жизни сменился оседлым, пишет автор. Кочует лишь небольшая часть колхозников и рабочих совхозов, занятая в оленеводстве. Оленеводы живут в утепленных палатках с деревянным полом (стр. 111).

Передвижное жилище, каким является и палатка, продолжает существовать в районах Севера. В последние годы широко ставится вопрос о модернизации передвижного жилища. Рассматривая этот вопрос, С. И. Николаев указывает, что пока палатку не смогли заменить новейшие экспериментальные конструкции — электрифицированный тордох с металлическим каркасом, чум Файко и другие. Обычные причины — значительная стоимость и большой вес покрытия, изготовляемого из войлока или толстого сукна, а также несовершенство конструкции: при сборке и разборке легко возникают поломки, погнутости, заедания в местах соединений и т. д. (стр. 113). Видимо, создание прочного, легкого, теплого и недорогого передвижного жилища для оленеводов и охотников Севера все еще остается проблемой, которую предстоит решить нашим инженерам и техникам.

Интересным вопросом этнографии эвенков является вопрос о распространении у них так называемой ручной нарт. Некоторые исследователи склонны связывать употребление такой нарты с традициями пешей охоты у эвенков, уходящими в отдаленное

прошлое. В этой связи любопытно сообщение С. И. Николаева о существовании ручной нарту у эвенков юго-восточной Якутии, относительно которых нет сведений, что они раньше были безоленной группой. Несмотря на то, что ручную нарту эти эвенки называют «собачьей», использование собаки, помогающей охотнику тащить нарту, у них не наблюдалось (стр. 126). Вероятно, ручная нарта была весьма широко распространена в Восточной Сибири, а ее употребление скорее всего связано с весенним периодом охотничьего промысла, когда использование домашних оленей из-за твердого наста исключено. К сожалению, автор не останавливается на этом вопросе.

В главе «Семья и семейный быт» автор высказывает интересную мысль, принадлежащую одному из его информаторов-эвенков, что преобладание в прошлом у эвенков и эвенов малой семьи, состоящей из родителей и их детей, было связано с особенностями ведения промыслово-оленьеводческого хозяйства в условиях Северной Сибири. Огромные запасы диких животных и рыбы были рассредоточены на большой территории. В то же время в каждом конкретном микрорайоне эти запасы были весьма ограниченными. «Той дичью, что можно добыть на территории охвата одной семьи, невозможно было прокормить большое количество людей» (стр. 136). Размеры кочевого жилища также ограничивали возможности расширения состава семьи (стр. 136). Однако известно, что эвенки кочевали обычно группами из двух — трех семей, часто даже не родственных. Поэтому данная трактовка вопроса о причинах отсутствия у них большой семьи хотя и представляется не лишенной рационального зерна, требует дополнительного изучения.

В главе «Культурная жизнь» приводятся сведения о формировании социалистической культуры у эвенов и эвенков юго-восточной Якутии. Автор ставит актуальный вопрос о необходимости передачи подрастающему поколению навыков охотников (а также, видимо, и оленеводов. — В. Т.) (стр. 152). Общеобразовательная школа почти не уделяет этому никакого внимания, и дети, находясь в интернатах, длительное время остаются оторванными от важнейших отраслей северного хозяйства — охоты и оленеводства. Вместе с тем многие школьники в дальнейшем становятся охотниками, проводниками экспедиций, оленеводами, и без знания основ промысла, без знания местности, без умения обращаться с оленями им трудно выполнять свои обязанности.

Большой фактический материал содержит последняя глава книги «О религиозных представлениях эвенов и эвенков юго-восточной Якутии». Книга заканчивается тремя приложениями, содержащими тексты исторических преданий и легенд, записанных автором от эвенов, эвенков и якутов юго-восточной Якутии, материалы из области народной медицины, а также различные «запреты, приметы, гадания и материалы о толковании снов».

Книга снабжена иллюстрациями в виде фотографий и рисунков.

Рецензируемая работа не свободна от некоторых недостатков. Слабо показано современное хозяйство эвенов и эвенков юго-восточной Якутии. Из 200 страниц книги хозяйству отведено всего девять. В работе отсутствует исторический очерк, и это также является ее большим минусом.

Недифференцированно дано описание традиционных жилищ эвенов и эвенков, хотя именно в данном вопросе различия между двумя этими народами выступают довольно отчетливо. Вообще этот раздел вызывает ряд вопросов. Автор пишет, что изготовление берестяной покрышки для летнего чума является «весьма трудоемкой работой», поэтому многие эвены и эвенки «летом были вынуждены жить в зимних ровдужных чумах» (стр. 106). В связи с этим автор критикует ровдужную покрышку, которая в сравнении с покрышкой из бересты, естественно, имела летом много неудобств для обитателей чума. Так писать, конечно, нельзя. Во-первых, если бы автор заглянул в историю, хотя бы в XVII в., он увидел бы, что в прошлом все кочевые эвенки и эвены юго-восточной Якутии зимой жили в ровдужных чумах, а летом в берестяных. Во-вторых, изготовление покрышки из вываренной бересты — несравненно более легкое и доступное дело, чем изготовление ровдужных чумов. Если эвены и эвенки юго-восточной Якутии стали употреблять летом ровдужный чум, то автору следовало подробнее остановиться на этом вопросе и указать конкретно, в каких районах и когда это явление наблюдалось, какими причинами оно было вызвано, а не ссылаться на относительную трудоемкость изготовления берестяных чумов.

Странным является утверждение С. И. Николаева, что конический чум, ввиду его «незначительной емкости», считался «жилищем малосостоятельных семей» (стр. 107). Известно, что все эвенки — и богатые и бедные — жили именно в конических чумах и лишь некоторые безоленные бедняки, существовавшие рыболовством, обитали в стационарных конических жилищах типа голомо.

В сравнении с чорама-дю чум (дю) является безусловно менее вместительным жилищем и, возможно, обитателям чорама-дю обитатели чума представляются людьми материально необеспеченными, но ведь чорама-дю — это эвенское жилище, а не эвенское и эвенкийское, как утверждает С. И. Николаев. Перечисляя типы жилищ, существовавших у эвенов и эвенков юго-восточной Якутии, он пишет: «Следующим типом кочевых чумов эвенов и эвенков был цилиндро-конический чум» (т. е. чорама-

дю.—В. Т.) (стр. 107). Это утверждение ошибочно, потому что в жилищах типа чорама-дю жили отдельные, незначительные группы эвенков, и то имевшие, по всей видимости, эвенское (ламутское) происхождение. Такая группа существовала, в частности, в середине XIX в. в районе озера Орель, на территории нивхов. В состав этой группы входили эвенки рода Эжан (Эдян), который, по нашему мнению, является в своей основе ламутским (эвенским).

Удивляет заявление автора, что «в отличие от старых традиционных чумов палатка снабжается другой системой отопления — маленькой железной печкой» (стр. 111). Достаточно бросить взгляд на иллюстрации публикуемых этнографических статей о народах Севера, чтобы увидеть, что и современный чум снабжен той же «системой отопления».

Неисторический подход автора к явлениям этнографии находит свое выражение в таблице, иллюстрирующей орнаменты эвенов и эвенков. Автор не указывает, какие образцы следует рассматривать как самобытный орнамент эвенов и эвенков, а какие отнести к числу заимствований. Не отмечает он и того, что обогатило народное искусство за последние десятилетия (например, появление орнамента со звездами).

Впечатление неполноты оставляет раздел о семье. Здесь остались неосвещенными вопросы о левирате и воспитании неродных детей, столь характерные для обычного права эвенков и других народов Севера.

Иногда автор, желая подчеркнуть приметы нового, входящего в жизнь эвенов и эвенков, явно теряет чувство меры. Так, говоря о том, что многие колхозники имеют собственные моторные лодки и мотоциклы, он добавляет: «Велосипеды же теперь уже отнесены к разряду детских игрушек» (стр. 135). Такое заявление может вызвать, естественно, только улыбку.

В целом работа С. И. Николаева является полезным вкладом в этнографию эвенов и эвенков, населяющих юго-восточные районы Якутии. Работа дает довольно полное и правильное представление о хозяйстве, быте и культуре этих этнографических групп и отражает то новое, что характеризует их жизнь сегодня.

В. Туголуков

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

L. Vanden Berghe. *La nécropole de Khurvin*. «Vitgaven van het Nederlands historisch-archaeologisch Instituut te Istanbul», XVII, Istanbul, 1964, 70 стр., 50 таблиц.

Могильник у с. Хурвин, расположенного в 80 км северо-западнее Тегерана, известен с 1948 г., когда местные жители начали тут грабительские раскопки. Значительная часть добытых ими предметов была приобретена на месте профессором Малеки, но небольшое количество их попало на «антикварный рынок» Ирана, а оттуда в разные собрания. В 1950 г. здесь произвели очень небольшие раскопки иранские археологи М. Рад и А. Хакими; в 1964 г. их продолжил Ванден Берге, исследовавший на трех участках 14 погребений.

Этот весьма интересный памятник уже неоднократно упоминался в специальной литературе, но без детальной характеристики; рецензируемая книга является давно ожидаемой полной публикацией, включающей в себя также издание всей обширной коллекции Малеки. При сравнительно небольшом объеме она содержит очень четкую характеристику вещевого материала, даваемую с указанием ближайших аналогий для каждого типа предметов непосредственно после его описания. Это безусловно облегчает пользование им, хотя сопряжено с неизбежным повторением ссылок на памятники и их публикации. Особо следует отметить превосходные иллюстрации, позволившие сократить описания вещей до минимума.

На этом фоне обращает на себя внимание неполнота приводимых данных относительно раскопанных погребений: они характеризуются лишь суммарно и затем дается перечень сделанных находок. К сожалению, отсутствуют чертежи и указания на положение скелета в каждой из исследованных могил. Это представляется существенным упущением.

Судя по результатам раскопок, Хурвинский могильник является грунтовым, не имеющим каких-либо наземных признаков могил. Все исследованные погребения характеризуются скорченным положением скелетов на левом или правом боку при неустойчивой ориентировке. Сопровождающий инвентарь состоит главным образом из глиняных сосудов (до 9 в одной могиле) и немногочисленных бронзовых предметов (в основном булавок). Керамика преимущественно сероглиняная с лощением, изготовленная на круге; наиболее характерными формами являются «чайникообразные» сосуды с длинным сливом на конце носика, кувшины с широким или узким горлом и миски, снабженные горизонтально расположенной ручкой. В небольшом количестве имеется также красноглиняная керамика — кувшины и миски указанных выше типов.